

К.Б. Уразаева¹ , И.В. Моклецова² , У.К. Байтурина^{3*}

¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

³Евразийский гуманитарный институт им. А.К. Кусаинова, Казахстан, г. Астана

*e-mail: u.baiturina@mail.ru

РУССКАЯ ИДЕЯ ПРАВА В РОМАНЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО С ПОЗИЦИИ «ВСЕЧЕЛОВЕЧНОСТИ»

Статья посвящена русской идее права в романе «Преступление и наказание» Ф. Достоевского. Синтез аксиологии, философии, литературоведения сфокусирован на рассмотрении права в религиозно-утопическом контексте. Такой подход сделал актуальным изучение духовно-религиозной природы преступления и наказания, метафизической трактовки греха и свободы как ценности. В философском плане право, как категория правосознания, обращает внимание на мировоззренческую основу преступления и связь с категорией «всечеловечность». Право, как источник преступления и возможность искупления вины объясняет философию отрицания как мировоззренческую основу преступления Раскольникова. Связь греха и свободы объясняет конфликт ценностей в сознании Раскольникова как источник бонапартизма. Трактовка Достоевским личности как носителя прав характеризует позицию писателя по отношению к славянофилам, народникам и западникам. Литературоведческий подход построен на обзоре «Дневника писателя», романа и научных трудов, которые характеризует исторический и публицистический контекст идеи права, с одной стороны, и эволюцию взглядов Достоевского на понятие «всечеловечности», с другой. Установление связи русской идеи права и категории всечеловечности является основой изучения концепции «русского» в творчестве Достоевского, национальной идентичности, ее конструирования и ее кризиса. Применение сравнительного, аксиологического герменевтического, феноменологического методов выводят рассматриваемую проблему в область политической философии и социологии, критики и литературоведения. Показано, что «всечеловечность» как проявление «русского» подразумевает у Достоевского идеализированные отношения между русскими и европейцами, отождествление русского народа с Иисусом. Такому представлению противостоит точка зрения А. Солженицына на русско-еврейский вопрос. Значимость принятого в статье подхода обусловлена исследованием русской философии сознания и права. Разработка писателем всечеловечности объясняет и связь русской идеи права с религиозно-духовным пониманием свободы. Представление о русской идентичности как «всечеловеческой общности» показано писателем на примере духовного пути Раскольникова к прозрению и искуплению греха. Перспективы темы связаны с процессом конструирования идентичности, что представляет собой новый подход к изучению художественного и публицистического наследия писателя. Полученные результаты могут быть использованы в чтении курсов по истории русского романа, философско-эстетическим основам русского реализма. Практическая значимость темы заключается в применении указанных методов анализа художественного произведения.

Ключевые слова: Достоевский, кризис ценностей, «всечеловечность», русская идентичность.

К.Б. Уразаева¹, И.В. Моклецова², У.К. Байтурина^{3*}

¹Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық Университеті, Қазақстан, Астана қ.

²М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университеті, Ресей, Мәскеу қ.

³А.К. Құсайынов атындағы Еуразия гуманитарлық институты Қазақстан, Астана қ.

*e-mail: u.baiturina@mail.ru

Ф. Достоевскийдің романындағы орыс құқығының идеясы «әмбебап адамгершілік» тұрғысында

Мақала Ф. Достоевскийдің «Қылмыс пен жаза» романындағы орыс құқық идеясына арналған. Аксиология, философия, әдебиеттану синтезі діни-утопиялық контексте құқықты қарастыруға бағытталған. Бұл тәсіл қылмыс пен жазаның рухани-діни табиғатын, күнә мен бостандықты құндылық ретінде метафизикалық түсіндіруді зерттеуді өзекті етті. Философиялық тұрғыдан алғанда, құқық, құқықтық сана категориясы ретінде, қылмыстың дүниетанымдық негізіне және «әмбебап адамгершілік» категориясымен байланысына назар

аударарды. Құқық қылмыстың қайнар көзі және кінәні өтеу мүмкіндігі ретінде теріске шығару философиясын Раскольников қылмысының дүниетанымдық негізі ретінде түсіндіреді. Күнә мен бостандықтың байланысы Раскольниковтің санасындағы құндылықтар қақтығысын бонапартизмнің қайнар көзі ретінде түсіндіреді. Достоевскийдің жеке тұлғаны құқық иесі ретінде түсіндіруі жазушының славофилдерге, халықшыларға және батысшылдарға қатысты ұстанымын сипаттайды. Әдеби тәсіл «Жазушының күнделігі», бір жағынан Заң идеясының тарихи және публицистикалық контекстін және екінші жағынан Достоевскийдің «әмбебап адамгершілік» ұғымына көзқарастарының эволюциясын сипаттайтын роман мен ғылыми еңбектерге шолу жасауға негізделген. Орыс құқығының идеясы мен әмбебап адамгершілік категориясының байланысын орнату Достоевский шығармашылығындағы «орыс» тұжырымдамасын, ұлттық бірегейлікті, дағдарысы және оны құруды зерделеудің негізі болып табылады. Герменевтикалық, феноменологиялық, аксиологиялық, салыстырмалы әдістерді қолдану қарастырылып отырған мәселені саяси философия, әлеуметтану, сын және әдебиеттану саласына әкеледі. «Әмбебап адамгершілік» «орыстың» көрінісі ретінде Достоевскийде орыстар мен еуропалықтар арасындағы идеалдандырылған қарым-қатынасты, орыс халқын Исамен сәйкестендіруді білдіретіні көрсетілген. Бұл идеяға А. Солженицынның орыс-еврей мәселесіне көзқарасы қарсы. Мақалада қабылданған тәсілдің маңыздылығы сана мен орыс құқық философиясын зерттеумен байланысты. Жазушының әмбебап адамгершілік тұжырымдамасын жасауы, орыс құқық идеясының бостандықты діни және рухани түсінумен байланысын білдіреді. Орыс болмысының «жалпыадамзаттық қауымдастық» ретіндегі идеясын жазушы Раскольниковтің қырағылық пен күнәнің өтелуіне рухани жолының мысалында көрсетеді. Тақырыптың перспективалары жеке тұлғаны құру үдерісіне байланысты, бұл жазушының көркем және публицистикалық мұрасын зерттеудің жаңа тәсілін білдіреді. Алынған нәтижелер орыс романының тарихы курсы, орыс реализмінің философиялық және эстетикалық негіздерін оқуда қолданыла алады. Тақырыптың практикалық маңыздылығы көркем шығарманы талдау әдістемесін қолдану болып табылады.

Түйін сөздер: Достоевский, құндылықтар дағдарысы, «әмбебап адамгершілік», орыс сәйкестілік.

K.B. Urazayeva¹, I.V. Mokletsova², U.K. Baiturina^{3*}

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Astana

²M.V. Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

³A.K. Kussainov Eurasian Humanities Institute, Kazakhstan, Astana

*e-mail: u.baiturina@mail.ru

The Russian Idea of Law in F. Dostoevsky's Novel From the Position of "All-humanity"

The article deals with Russian idea of law in "Crime and Punishment" by Dostoevsky. The synthesis is focused on consideration in religious-utopian context. This approach made to study spiritual, religious nature of crime and punishment as value. Law as category of consciousness draws attention to basis of crime and connection with "all-humanity". As the source of crime and possibility of atonement explains philosophy of negation as worldview basis of Raskolnikov's crime. The connection between sin and freedom explains conflict of values in Raskolnikov's mind as Bonapartism source. Dostoevsky's treatment of individual as bearer of rights characterises writer's position according to Slavophiles, Narodniks and Westerners. The literary studies approach is based on review of "Writer's Diary", novel and scholarly works, characterising historical, journalistic context of idea of law, and evolution of Dostoevsky's views on "all-humanity". Establishing connection between Russian idea of law and category of all-humanity is basis for concept "Russian" in Dostoevsky's work, national identity, construction and crisis. The application of methods brings problem into field of philosophy and sociology. "All-humanity" implies in Dostoevsky idealised relations between Russians and Europeans, identification of Russian with Jesus. This view is opposed to Solzhenitsyn's Russian-Jewish question. The significance of approach is due to study Russian philosophy of consciousness and law. The writer's elaboration of universal humanity explains connection between Russian idea of law, religious and spiritual understanding of freedom. The writer shows the "all-human community" through example of Raskolnikov's spiritual journey to enlightenment of sin. The topic prospects are connected with process of identity construction, representing new approach of writer's artistic and journalistic heritage. The obtained results can be used in courses on history of Russian novel, special courses on theory of law, philosophical and aesthetic foundations of Russian realism. The practical significance lies in application of these methods of analysing fiction work.

Key words: Dostoevsky, values crisis, "all-humanity", Russian identity.

Введение

В творчестве Достоевского 1846–1862 гг. сформировалась, как известно, религиозно-утопическая концепция права. Критика и полемика писателя с современным ему законодательством и юридической практикой привела к тому, что преступление у него и криминальные сюжеты, герои выведены из сферы закона. Поиски и обретение духовных истин, тяготеющих к евангельской мудрости, осмыслены писателем как альтернатива судебному, каноническому праву в строго юридическом смысле.

Традиционно идея права в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» рассматривается с позиций, которые можно дифференцировать по следующим направлениям. Во-первых, с позиций русской идеи права. Во-вторых, в понятиях «парадокса Наполеона». В-третьих, с позиций духовно-религиозной интерпретации преступления и наказания. Еще одно направление связано с преступлением героя как следствием заблуждения, иллюзии, конфликта ценностей, что поднимает проблему метафизики преступления и личности героя. Это наиболее распространенные подходы, сформировавшие ряд направлений в достоевистике. Они основаны на толковании *права* как философской и юридической категории, характеризующей правосознание. Часть этих вопросов стала предметом опубликованных работ авторов настоящей статьи.

Актуальность темы заключается в рассмотрении русской идеи права в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» в контексте введенного писателем в «Дневнике писателя» понятия «всечеловечность». Понятие «всечеловечность», рассмотренное как ценность, характерная, по мнению создателя «Дневника», для русского человека и объясняющая всемирную отзывчивость Пушкина, не становилось предметом изучения в аспекте авторской позиции и влияния на трактовку идеи права и конструирования русской идентичности и ее кризиса. Между тем еще в эпоху Просвещения сформировалась идея о правах людей независимо от законов государства. Эта мысль была осложнена в мировоззрении Достоевского концептами христианского благочестия как залога внутренней полноты личности, а также отношением писателя к модной в среде дворянской либеральной интеллигенции теории среды. Взгляд автора на право как источник преступления и возможность искупления вины характеризует

отношение писателя к русскому народничеству, идеям славянофилов и русского западничества. Прочтение романа с позиций «всечеловечности» дополняет представление о роли веры и богоспасения, концептов Православия в целом для понимания аксиологической природы преступления. Неслучайно в современных условиях вновь актуализируется мысль Д. Мережковского о романе как книге о покаянии без раскаяния (Мережковский, 1995). Актуальность темы обусловлена и концепцией личности как носителя прав. Права личности – проблема, которая была камнем преткновения для русской интеллигенции, современной Достоевскому. Вопрос о служении народу был краеугольным для дворян. Рассмотрение темы позволяет понять не только своеобразие мировоззрения и позиции писателя, но и вклад автора романа в русскую историю правосознания. Например, ответить на вопрос: почему Раскольников не нигилист, как Базаров у Тургенева?

Цель статьи заключается в трактовке русской идеи права в аспекте категории всечеловечности, обоснованной Достоевским как свойство русского национального самосознания. Задачи статьи состоят 1) в обобщении философско-эстетических основ «всечеловечности» в «Дневнике писателя» и романе «Преступление и наказание», раскрывающих авторскую концепцию «русского», 2) изучении оппонировавшей Ф. Достоевскому точки зрения русской интеллигенции, получившей развитие в осмыслении русско-еврейского вопроса в работах А. Солженицына, 3) рассмотрении «всечеловечности» как явления национальной идентичности, 4) установлении метафизической трактовки греха, акцентирующей роль свободы как ценности, как основы русской идеи права.

Объектом исследования являются «Дневник писателя», роман «Преступление и наказание» и так называемые тексты-спутники, т.е. такие научные труды, которые полемикой и актуальными точками зрения создают поле притяжения вокруг романа Достоевского, проецируя пучки смыслов (Ю. Лотман) и формируя контекст идеи права как своего рода автономный текст. Предмет исследования – идея права как категория национального сознания в аспекте «всечеловечности».

Предпринятые в статье подходы позволили выдвинуть гипотезу: русская идея права, рассмотренная в аспекте «всечеловечности», характеризует процесс конструирования идентичности и ее кризиса.

Теоретическая значимость работы обусловлена разработкой концепции права с позиций трансдисциплинарного подхода, построенного на синтезе аксиологии, философской антропологии, литературоведения. Практическая значимость темы заключается в использовании методики контекстуально-интертекстуального, аксиологического и герменевтико-феноменологического анализа публицистики и литературы, когда в орбиту изучения произведения вовлекаются религиозно-философские труды, исследования по политической философии, психологии и социологии.

Материалы и методы

Степень изученности проблемы характеризуется рядом результатов в области изучения правосознания в связи с кризисом ценностей и культурно-историческим опытом христианства как контекстом романа «Преступление и наказание». Исследование антропологии личности и в русской философской публицистике и критике начала XX в. – в трудах В. Розанова, Н. Бердяева, экзегетическая трактовка Д. Барсотти обозначили дихотомию иррационального и рационального в сознании героя и преступлении. Феноменологический подход в трудах М. Шеллера привел к идее кризиса ценностей. Синтез идей об иррациональной природе преступления и кризиса ценностей, внимание к теории ресентимента и ресентиментного человека Ф. Ницше объясняет разграничение преступления Раскольникова как уголовного и этического. Мережковский решал вопрос о причинах кризиса мирового христианства с позиций представления о русском народе-богоносце. Иррациональная природа преступления в связи с категорией права и сознания обусловила двойную трактовку учеными русской идеи права в романе: с одной стороны, религиозно-духовная трактовка свободы, с другой философско-религиозная концепция русской действительности и русской идеи – это конструирование писателем русской идентичности.

Приведенные подходы не связывали русскую идею права и двойную реальность романа с категорией «всечеловечности» Ф. Достоевского. Между тем два этапа развития понятия: в «Дневнике писателя» и романе – указывают на связь русской идеи права с «всечеловечностью» как свойством русского народа и объясняют решение Достоевским вопроса кризиса идентичности. Плодотворными в этом плане представля-

ются идеи Л.-Х. Мурав, которая обобщила представление о «всечеловечности» как религиозной модели универсальных ценностей. Категория «всечеловечность» стала для американского исследователя почвой для изучения русско-еврейского вопроса. Однако внимания исследователей не привлекала такая постановка вопроса: анализ русской идеи права с позиций «всечеловечности» позволяет описать процесс конструирования русской идентичности. Новизна предпринятого опыта заключается в установлении «всечеловечности» как категории русского сознания и универсальной модели ценностей. Такой взгляд способствует описанию русской идентичности и ее кризиса. Сопоставление трактовок «всечеловечности» в «Дневнике писателя» и романе позволяет обособить связь русской идеи права с метафизическим пониманием категорий «грех» и «свобода». Метафизика личности и преступления в связи с «всечеловечностью» составляет сущность русской идеи права и характеризует понимание писателем русской идентичности и ее кризиса. Отсюда и трактовка бонапартизма героя с позиций «всечеловечности» как источника ресентимента.

Основным вопросом исследования является понятие «всечеловечности» как категории национального самосознания и фактора русской идентичности. Гипотеза: русская идея права, в контексте всечеловечности» способствует конструированию идентичности и выявлению ее кризиса. Этапы исследования отражают разработку приведенной гипотезы и отражают уровень осмысления эволюции взглядов писателя на понятие «всечеловечности» в движении от публицистики к роману, влияние понятия на метафизическую природу личности и преступления, основные точки конструирования русской идентичности как философию русской идеи. Обзор и систематизация историко-философского, культурологического, литературного, публицистического материала, анализ категории «всечеловечности» в широкой историко-культурной и философской перспективе проведены при помощи сравнительного, аксиологического, герменевтического, феноменологического методов изучения. Сравнительный метод позволял выработать парадигму философско-эстетического и художественного видения проблемы на основе смежных областей гуманитарного знания – философской антропологии, социологии, критики, политической философии, направленными в перспективу литературоведческого обозрения

проблемы. Аксиологический метод способствует анализу духовно-религиозных истоков и проявления кризиса ценностей в сознании героя. Герменевтический метод позволяет трактовать идею права в связи с категориями не только и не столько права, сколько сознания. Феноменологический метод заключается в установлении связи между кризисом ценностей и обретением «всечеловечности» для духовного преображения героя и крушения бонапартизма.

В процессе проведенного исследования получены следующие результаты. Обосновано влияние «всечеловечности» на трактовку писателем русской идеи права. Религиозно-духовное понимание свободы характеризуют убежденность писателя в исторической и духовно-культурной миссии русского народа-богоносца. Представление о русской идентичности как «всечеловеческой общности» лежит в основе картины конструирования идентичности и кризиса ценностей в сознании героя.

Обзор литературы

Обзор литературы по заявленной теме позволяет выделить ряд актуальных направлений. Прежде всего, это религиозные аспекты мировоззрения Достоевского, которые были впервые осмыслены русской философской мыслью начала XX в. Объединяющим началом исканий писателя-философа явилась антропология личности. Признание писателя о тайне творчества: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (Достоевский, 2001: 266) – определило его философию, этику, публицистическое и литературное творчество на всю жизнь. Так, на иррациональную природу преступления оказали влияние взгляды автора романа о безбожном социалистическом переустройстве общества как модели социализма, на что указывал Розанов (Розанов, 1990). Путь от «Преступления и наказания» к «Братьям Карамазовым» как продвижение к вере рассматривает Барсотти: «Преступление и наказание» – это роман, в котором, больше, чем в любом другом, присутствует Бог» (Барсотти, 1999: 208).

Постановка проблемы иррационального в философии права была предвосхищена Н. Бердяевым: «Зло заложено в глубинах человеческой природы, в ее иррациональной свободе, в ее отпадении от природы божественной, оно

иметь внутренней источник» (Бердяев, 1923: 90). Вторая сторона проблемы – это проблема наказания за преступление как оборотная сторона свободы, другими словами, вопрос совести. Дихотомия иррационального и рационального у русского философа начала XX в. основана на природе человека и заложенной в ней ответственности в противовес поверхностно социологически трактуемой зависимости человека от внешних социальных условий.

Актуальным представляется и феноменологический подход, предпосылки которого можно обнаружить в социологии начала XX в. В этом отношении сохраняет актуальность мысль М. Шеллера о кризисе ценностей как дискредитации выработанных обществом ценностей. Рассмотрение «права» и «сознания» в контексте ценностных понятий не только

отдельного героя, но в сравнении с другими – позволяет трактовать мысль немецкого социолога для выявления рационального начала в теории права Раскольникова, обусловленного парадоксом Наполеона. То, что Шеллер называет «особенность внутренней диспозиции» (Шеллер, 1999: 36), сопоставимо с известным и введенным в научный оборот Ф. Ницше понятием «ресентимент».

Значимыми для изучения романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» представляется сформулированная Ф. Ницше теория ресентимента и представление о ресентиментном человеке с позиций *моральности рабов* и *моральности сверхчеловека*. Обычно проблему права и сознания как категориальные понятия для философско-художественного сознания Достоевского упоминают в мировоззренческом ключе. Между тем контекст осознания права в автобиографическом контексте не менее значим для понимания перелома, который произошел с писателем после каторги. Ощущение ссыльным писателем права на чувства, которое запечатлено в архиве Достоевского, позволяет по-новому взглянуть на полифонический контекст права в романе, не ограничиваясь ни главным героем романа, ни его смеховыми двойниками – Лужиным и Свиригайловым. Так, в семипалатинский период жизни в письме к Врангелю Достоевский пишет о Марии Дмитриевне Исаевой: «О, друг мой! Мне ли оставить ее или другому отдать, ведь я на нее имею *права*, слышите *права!*» (Достоевский, 1996: 126). Не случайно автор популярных книг о Достоевском, ученый и журналист, просветитель и президент Фонда Достоевского,

И. Волгин называет «сибирский» роман писателя главным романом его жизни. «Права» (не право в единственном числе и как родовое понятие) как признак исключительного чувства, впервые постигаемого писателем в ссылке, принимает характер формулы личности, если вспомнить другие истории влюбленности писателя. Так, общеизвестным является такой факт. В ссылке Достоевский был готов предложить руку и сердце дочери ссыльного поляка Марии Ордынской, написал 18 писем-признаний в любви «одинокой девице» Е.М. Неворотовой. Но чувства к М.Д. Исаевой, облеченные в формулу «права», придают характер категории страданию, очищающему и преображающему. Такое понимание силы страдания определило его в качестве сквозной темы и духовного сюжета позднего творчества писателя.

Дихотомию иррационального / рационального в области *права* и *сознания* проясняет книга, представляющая своего рода феноменологический диалог с М. Шеллером. Это монография Д. Мережковского «Толстой и Достоевский. Вечные спутники» (Мережковский, 1995). Для писателя-символиста и теолога характерно понимание преступления Раскольникова как уголовного, криминального по природе. Так, Мережковский писал: «Есть уголовное преступление, но нет наказания, а есть два вида осквернения, кощунства» (Мережковский, 1995: 213). Концепция символиста связана с его пониманием причин кризиса мирового христианства и трактовкой роли русского народа-богоносца. Присутствует в рассматриваемой книге и более широкий контекст проблемы: «... утверждение нового, связанного с ... вечными, неизменными законами природы» (Мережковский, 1995: 193). Формулу преступления героя Мережковский определяет как «преступление для преступления» (Мережковский, 1995: 203). Для писателя-символиста обнажение «эстетической» шелухи Раскольникова таит сущность преступности героя. В этом смысле для него очевидно тождество преступлений Наполеона и Раскольникова.

Другой представитель «серебряного века», Н. Бердяев выступил критиком русской интеллигенции, которая в отношении к русскому народу отрицала опыт и ценность универсализма, как чуждого опыта. Онтологическое почвенничество Достоевского, которое состоит в показе того, до каких страшных пределов может дойти человек: «Онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія духовнаго опыта, необходимости испытанія духа» (Бердяев, 1923:

178). Такой взгляд послужил основой понимания свободы в мировоззрении и романе Достоевского. Позднее творчество писателя дифференцировано по двум направлениям: это судьба человека в свободе и свобода в человеке: «Человек начинает с того, что бунтующе заявляет о своей свободе, готов на всякое страдание, на безумие, лишь бы чувствовать себя свободным. И вместе с тем человек ищет последней, предельной свободы» (Бердяев, 1923: 69). На иррациональную природу преступления оказало влияние автора романа о безбожном социалистическом переустройстве общества как модели социализма, на что указывал Розанов, усмотревший в основе миссии избранных, взявших на себя ответственность перед слабыми духом людьми, понятия «чудо», «тайны», «авторитета» (Розанов, 1990: 63-73). Критика Бердяевым русской интеллигенции, которая строилась на игнорировании эстетики, морали и религии и ее роли для служения русскому народу, учитывала и такие категории права и сознания, как «закон» и «права личности».

Вопрос отношения Достоевского к народничеству неотделим от почвенничества писателя. Еще при жизни прозвучало обвинение писателя в антисемитизме. Между тем Достоевский различал «жидовскую идею» и «еврейский вопрос», исходя из почвеннической идеологии и пара жид-еврей противопоставляются у него как неисторическое и историческое (Тороп, 1997: 10-11). Предпринимая опыт рассмотрения русской идеи права, нужно исходить из особенностей трактовки права Достоевским. Как замечает Е. Сафронова: «У писателя вопрос о праве (*quaestio juris*) превращается ... в вопрос о человеческой сущности: в кризисных ситуациях в полную силу проявляется нравственный потенциал личности» (Сафронова, 2013: 7).

Результаты и обсуждение

«Всечеловечность» как категория русского сознания в «Дневнике писателя»

Понятие «всечеловечность» восходит к «Пушкинской речи» и «Дневнику писателя». Впервые понимание прав личности, помимо библейской трактовки, явило опыт интерпретации русской ментальности. Апеллируя к творчеству Пушкина, Достоевский ставит проблему протезизма в сочетании с проявлением истинно русского, «национального»: «... гений народа русского, может быть, наиболее способен, из всех наро-

дов, вместить в себе идею всечеловеческого единения» (Достоевский, 1984: 447-448). Впервые писатель поставил вопрос: что значит быть русским? Ответ писателя таков: «... братом всех людей, все человеком, если хотите» (Достоевский, 1984: 448). Если вспомнить изречения Павла в Новом Завете: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (Цитировано по Бердяев, 1923: 191) – то здесь очевидна значимость мысли Бердяева о роли универсализма, которая предполагает, что Бог, воплотившись в человеке, даровал человечеству универсализм, как преодоление законов, сотворенных человеком. И тогда нивелируются созданные человеком и социумом различия: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного, нет мужского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Цитировано по Барсотти, 1999: 204).

Известен такой факт, в контексте которого категория «всечеловечности» обнаруживает истоки, восходящие к «Бедным людям». Уже в первом романе писатель вступил в спор с распространенной в среде либеральной интеллигенции иллюзией о возможности всеобщего счастья на основе милосердия и ответной любви. Такая точка зрения была обоснована В. Ветловской: «В противоположность утопистам Достоевский утверждает, что ни братство, ни любовь не могут возникнуть между тем, кто делает благодеяние, и тем, кто его принимает. Зло заключено в самом неравенстве» (Ветловская, 1994: 226). Эту версию разделяли также Л. Смирнова (Смирнова, 2004) и Ю. Лебедев (Лебедев, 1968).

«Всечеловечность» как камень преткновения для русской интеллигенции. Ф. Достоевский и А. Солженицын

Для понимания мысли Достоевского о «всечеловечности» и оказания им глубокого и длительного влияния на русскую философскую и общественную мысль важно обратиться к своего рода «диалогу» двух писателей – Достоевского и Солженицына. Их объединяет и вместе с тем разводит по разные линии отношение к наследию русского народничества. Оценка А. Солженицыным в книге «Двести лет вместе» (Солженицын, 2001) русско-еврейского вопроса объясняет поднятую в обществе 2010 г. дискуссию, имевшую большой общественный резонанс. Здесь следует выделить рецензию на книгу Солженицына американского ученого Л.-Х. Мурав «Опасный универсализм: перечитывая «Двести лет вместе» Солженицына» (Мурав, 2010). Известная иссле-

дованиями прошлого в рамках теории травмы, рассмотревшая на материале детской еврейской литературы XX в. вопросы личности и ее прав, Харриет сделала объектом анализа «всечеловечность» Достоевского. Транспозиция на историю и психологию восприятия универсальных идей, а именно упоминавшегося завета Павла на «Дневник писателя» стали определяющими для американского исследователя.

Ученый анализирует отношение русской интеллигенции XIX в. к универсалистским идеям и космополитизму как «важнейшему измерению универсалистских идей сегодня» (Мурав, 2010: 23). Концепция Мурав строится на понимании «всечеловечности» как религиозной модели универсальных ценностей. Понятия «космополитизм», «интернационализм» и «всеземность» трансформируются в философии Достоевского: в роли Иисуса для писателя выступает русский народ. Понятие «всечеловеческой общности» тяготеет к отчужденному объяснению права человека. Обращение к универсализму в новозаветном понимании является зерном «всечеловечности» у писателя. Оно подразумевает идеализированные отношения между русскими и европейцами. При этом наделение признаками богоподобия русского народа и Пушкина в этике Достоевского составляет суть русского вопроса. Для Солженицына очевидна взаимозаменяемость и полное тождество понятий «коммунизм», «космополитизм» и «права человека». Такое понимание неизбежно порождает проблему еврейской темы в публицистике и литературном наследии Достоевского. Рассмотрение темы обращает внимание к следующему языковому и культурному факту. Известно, что после смерти Достоевского изменения в русском языке привели к новым коннотациям слова «жид»: оно приобрело негативную экспрессию, стало ругательством. Отсюда упрощенное понимание антисемитизма Достоевского, на недопустимость которого указывает, в частности, П. Тороп (Тороп, 1997).

Точка зрения Солженицына на всечеловечность дала основание Мурав обозначить границу между ним и Достоевским. По мнению американского ученого, для Достоевского идеальные / идеализированные отношения с другими нациями не подразумевают снижение значимости своей нации. Более того, такой тип отношений позволяет констатировать достижение высшего пика национальной идентичности. Отсюда представление Достоевского о русском человеке как «всечеловеке». Между тем универсализм

как позиция русской интеллигенции в трактовке Солженицына означает расхождение с русской национальной идеей. В таком ключе обвинение Солженицыным русской интеллигенции в предательстве русской национальной идеи в противовес еврейской: «Она [русская интеллигенция] <...> почти сплошь отреклась от русского национального. <...> А еврейская интеллигенция – не отреклась от национального» (Солженицын, 2001: 474) – обозначило другое направление в толковании всечеловечности Достоевского. В книге «Двести лет вместе» автор призывает евреев к покаянию перед русским народом. Аксиологическая ценность покаяния обусловлена здесь сохранением целостности жизни и нации. Для понимания идей Солженицына необходимо учитывать его статью «Образованщина» (1974, опубликованную в 1991 г.). Здесь получила отражение концепция нации как синтез двух понятий: нация как семья и связи между членами нации: «...нация, как и семья, есть природная непридуманная ассоциация людей с врожденной, взаимной расположенностью членом» (Солженицын, 2001: 329).

В трактовке Солженицыным нации американский ученый видит, с одной стороны, наследие русского народничества, а именно воспринятое писателем представление о русском народе как автономной нации, без учета многонационального, соответственно – многоконфессионального состава царской империи. С другой стороны, социальное сужение русского народа крестьянством и противопоставление ему интеллигенции и других социальных групп, нарождающегося ядра пролетариата автоматически делало их народу «чуждыми». И, наконец, оценка Солженицыным реальных социальных и исторических явлений как данного свыше составляет еще одно противоречие в системе взглядов Солженицына. Причину такого понимания ученый объясняет тремя факторами – ролью и влиянием немецкой идеалистической философии в русском обществе на протяжении длительного времени, начиная с первой половины XIX в., властью царской империи и русской интеллигенции. И, если Солженицын не различал этническое и политическое сообщество, то его расхождение с социологами и политическими философами проходит по данной линии.

Метафизическая трактовка греха и свободы. «Всецеловечность» как фактор русской идентичности

Ценности и их роль в структуре идентичности рассмотрены в настоящей работе с позиций метафизической природы преступления. Такой взгляд отсылает нас к вопросу «двойной идентичности людей как этноса», «как сообщества одной судьбы, памяти и моральных ценностей, с одной стороны, и как демоса, как демократически голосующей совокупности всех граждан, которые могут принадлежать или не принадлежать к одному этносу, с другой» (Апресян, 2005: 136). Вместе с тем актуально и понимание нации и идентичности сквозь призму структурообразующих общество этнических групп. Анализ двойной реальности романа китайским ученым Чжаном Бяньгэ привел к мысли: «Преступление на эмпирическом уровне указывает на факт присутствия греха на метафизическом уровне» (Чжан Бяньгэ, 2021: 49).

Русская идея права в романе Достоевского неотделима от категории свободы. Свобода наряду с такими доминантами сознания в романах Достоевского, как общность и любовь, в корреляции с культурно-историческим опытом христианства, стала предметом изучения В. Степченко-вой (Степченко, 2022). Вывод Степченко-вой о свободе как главном даре человеку и свидетельстве любви Бога к человеку, потому что понятие истинного единения обусловлено исключительно свободой и любовью, и «истинная любовь имеет свободный характер и единит людей» (Степченко, 2022: 23), позволяет возвести истоки сложившихся ценностных доминант позднего Достоевского именно к «Преступлению и наказанию». Подвергая героя испытанию свободой, писатель выстраивает в романе начальный этап философско-религиозной концепции русской действительности и русской идеи.

Полнота трактовки свободы Достоевским и важность понимания ее аксиологической природы осознаются на фоне рассмотрения милосердия как одной из ценностей. Таков пример отринувших общепринятые ценности. Судьбы героев, которые сознательно бросили вызов судьбе или покорились стечению обстоятельств, – Родиона Раскольникова и Сони Мармеладовой – писатель ставит вопрос жертвы/жертвенности. Они оба преступники, поскольку «переступили». Обвинение Раскольникова, брошенное Соне: «... ты великая грешница ...это так. А пуще всего тем ты грешница, что понапрасну умертвила и предала себя» (Достоевский, 2020: 56) – является рациональным в известной мере. Отсутствие сострадания в устах героя есть концепция мо-

рали в умозрительном / умопостигаемом понимании свободы. Неспособность Сони к свободе – результат, как ни парадоксально, ее духовной зрелости в религиозном понимании, подразумевающей бессознательную готовность принять на веру догматы религии. Однако сознание Сони делает ее не только жертвой обстоятельств, но и своего рода мученицей. А мученичество априори несет в себе идею аксиологического оправдания. Осознание совершаемого ею преступления и принятие жизненного креста, не избавляющих героиню от мук сознания совершаемого ею греха и невозможности разорвать замкнутый круг, прорываются возможностью искупления. Сцены чтения героями Библии, следование в Сибирь за Раскольниковым становятся этапами прозрения Сони, обретения ею внутренней свободы. Ореол «преступной мученицы» ставит ее в сознании героя на одну ступень с ним. Сближение героев в обретении ими свободы и понимание писателем подлинной свободы актуализирует философию юродства в древнерусском понимании. Мысли ученого о связи юродства и церкви: «в Евангелии оно ищет свое нравственное оправдание, берет от церкви тот дидактизм, который так для него характерен» и: «возведение безобразного в степень эстетически положительного», «зрелищность юродства и элементы протеста в нем» (Лихачев, 1984: 112) – перекликаются с портретами юродивых в рассматриваемом произведении. «С новым, странным, почти болезненным, чувством всматривался он в это бледное, худое и неправильное угловатое личико, в эти кроткие голубые глаза, могущие сверкать таким огнем, таким суровым энергическим чувством, в это маленькое тело, еще дрожавшее от негодования и гнева, и все это казалось ему более и более странным, почти невозможным. «Юродивая! юродивая!» – твердил он про себя» (Достоевский, 2020: 37).

Юродство объясняет природу религиозно-духовного понимания свободы: это вместе с тем знак «внутренней спасенности и полноты собственной жизни человека» (Бердяев, 1923: 81). Библия заменяет Сонечке необходимость толкования свободы и как верующего человека делает ее истинно свободной, в сравнении с Раскольниковым. Ее «идея права» – выработанный Православием догмат. Отсюда ее жертвенность как проявление равнодушия к собственной «судьбе». Это же равнодушие как отрицание себя во имя Бога и веры расценивается героем романа в качестве аналогии совершенного им убийства. Раскольников игнорирует осознаваемую Соней

греховность, но вместе с тем и ее бессознательно переживаемую надежду на милосердие. Способность Мармеладовой к покаянию, но не раскаянию подразумевает более высокую, по сравнению с Раскольниковым, хотя и бессознательную степень духовной зрелости. Героиня как верующий человек бессознательно воспринимает ценности, ее стихийно-наивное для Раскольникова сознание на самом деле являет полную погруженность в мир незыблемых установлений. Писатель поднимает проблему искупления преступления страданием как альтернативу юридическому наказанию, очищение человека делает его способным к принятию справедливости наказания. Идея русского права в духе православных этических ценностей придает прозрению и покаянию характер публичности. В основе такого отношения лежит введенное Достоевским в русское общественное сознание понятие «всечеловечности». Библейская любовь к ближнему одухотворена здесь снятием исключений и всемирной отзывчивостью. Неоднозначное отношение Раскольникова: и страх, и пренебрежение, и насмешка над Соней, неготовность принять ее жертву и раздражение против ее жертвенности, когда она последовала в Сибирь и стоит целыми днями на весеннем ветру перед лазаретом, вновь сближает их на пути перед раскаянием. Но у этой готовности разные мотивы.

Природа отрицания – как мировоззренческая основа преступления героя, избравшего его как способ проверки теории, и в социальном смысле оправданная Соней, провела в произведении границу между западным и русским как проявлением бонапартизма Раскольникова в его подражании кумиру, всеобщей погони за «больше-значимостью», когда он уверен: «Все убивают» (Достоевский, 2020: 255) (в разговоре с Дуней), с одной стороны. С другой, русское понимание права становится саморазоблачением героя. Его признания и обесценивание человеческой жизни с применением хтонических образов, характерных для мифологии, неразличение религии в ее духовном абстрактном смысле: «...вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную» (Достоевский, 2020: 361), «тошенькая, гаденькая регистраторша» (Достоевский, 2020: 166), «старуха – вздор» (Достоевский, 2020: 41) – противоречат идее Православия о ценности любой человеческой жизни.

Подвергая ревизии понимание свободы в духе подражания кумиру и подмену веры сотворением фетиша, Достоевский испытывает героя «всечеловечностью» и разочарованием

Раскольников: «Да так ли, так ли все это?» (Достоевский, 2020: 37). Еще одно опровержение западной трактовки свободы – убийство слабоумной Лизаветы, кроткой, с голубыми глазами. Ее смерть не лишена признаков недоумения: она «не плачет, не стонет, не молит о пощаде, а оседает, «словно квашня» (Достоевский, 2020: 38). Метафизическая связь греха и свободы раскрывается в романе с помощью категории «страх». Таков мистический страх героя перед его непарадоксальным двойником Свидригайловым: «Каким-то холодом охватило вдруг Раскольникова при этом безобразном ответе» (Достоевский, 2020: 221). Интерес и любопытство Свидригайлова к преступлению Раскольникова и природе его преступления вписаны писателем в контекст отношения человека к своему будущему. Будущее как гарантия свободы связано с перспективой духовного исцеления и прозрения. Освобождение себя от двойника-Свидригайлова становится для Раскольникова условием признания: «Я не старушонку убил. Я человека в себе убил» (Достоевский, 2020: 86). Это отрицание самонадеянной уверенности на этапе подражания кумиру о людях, которые должны по природе своей быть непременно преступниками» (Достоевский, 2020: 240). Русская идея права в корреляции с грехом и свободой и будущим построена на конфликте ценностей в сознании Раскольникова. Подражание Наполеону рождает иллюзорные ценности у героя, делая ресентиментным его сознание. Коннотация понятия «убить», обоснование этических его осмыслений: «Я захотел убить для себя, для себя одного» (Достоевский, 2020: 86), «... мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? ...я только попробовать сходил» (Достоевский, 2020: 86) стали этапами на пути к покаянию: «Я и сам хочу жить, а то лучше уж и не жить» (Достоевский, 2020: 86), «Я захотел осмелиться» (Достоевский, 2020: 85) – отражают разные этапы формирования категории «всечеловечности» в сознании писателя и как источник духовного маршрута Раскольникова на пути его прозрения.

Заключение

Анализ русской идеи права как результата трактовки Достоевским «всечеловечности» потребовал систематизации ряда вопросов. В первых, сопоставление истоков в «Дневнике писателя» и романе показало роль «всечеловечности» как категории русского сознания. Такой

подход способствует изучению процесса конструирования русской идентичности с позиций философской антропологии.

Своеобразие трактовки «всечеловечности» в «Дневнике писателя», рассмотренное как первый этап развития автором русской идеи, обусловлено отрицанием писателем всеобщего счастья на основе милосердия и ответной любви. Зло как сущность и результат неравенства в понимании «всечеловечности» объясняет позицию Достоевского и расхождения с русской дворянской интеллигенцией. Так, решение русско-еврейского вопроса определяется русской идеей Достоевского – о русском народе-богоносце и представлением о Пушкине как символе всемирной отзывчивости, характерной для русского народа. Концепция русского человека как «всечеловека» объясняет идеализацию отношений русского и еврейского народов и олицетворение в Иисусе русского человека.

Русская идея права обусловлена метафизическим пониманием категорий «грех» и «свобода». Метафизика личности и преступления коррелирует с понятием «всечеловечность» в лоне русской идеи права и выходит на уровень осмысления писателем русской идентичности. Роман Достоевского отразил следующий этап русской идеи в ее философско-религиозном изводе. Выражение русской идеи права в совокупности с ценностями в их религиозно-духовном преломлении: милосердием, свободой, жертвой / жертвенностью, страданием – создает перспективу духовного преображения героя. Идея русского права в духе ценностей Православия в дихотомии покаяния и раскаяния осложняется важностью публичного откровения. Выявление в романе нового этапа русской идеи права обусловлено новым этапом трактовки «всечеловечности»: это синтез заповедей Библии и идеи писателя о всемирной отзывчивости как черте русского народа. Русская идея права решается автором и в лоне вопроса бонапартизма героя. Способом испытания Раскольникова и крушения его теории становится «всечеловечность», иллюстрирующая ресентимент в сознании героя.

Приведенные выводы, направленные на описание идентичности в контексте категории «всечеловечность», интерпретацию русской идеи права, основаны на герменевтической и феноменологической трактовке права. Перспективы разработки связаны с изучением романа в широкой философско-культурологической перспективе, в контексте конструирования русской идентичности.

Литература

- Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Изд-во «Республика», 1995. – 624 с.
- Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т.28, кн. 1. С. 63. Цит.по: История русской философии: Учеб. для вузов / Редкол.: М.А. Маслин и др. – Москва: Республика, 2001. – 639 с.
- Розанов В.В. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1921 годов: сб. ст. – Москва: Книга, 1990. – С. 64-73.
- Барсотти Д. Достоевский. Христос – страсть жизни. – Москва: Паолине, 1999. – 249 с.
- Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – Прага: The YMCA PRESS Ltd., 1923. – 238 с.
- Шеллер М. Ресентимент в структуре моралей. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – 231 с.
- Достоевский Ф.М. Письма. 47. А.Е. Врангелю. 23 марта 1856. Семипалатинск // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т.15. – СПб.: Наука, 1996. – С. 123-132.
- Пеэтер Тороп. Достоевский – история и идеология. – Publisher: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. – 170 с.
- Сафронова Е.Ю. Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846–1862 гг.: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. – 182 с.
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя: 1877 сентябрь-декабрь. 1880 август: Полн. собр. соч. Т.26. – Ленинград: Наука, 1984. – С. 447-448.
- Ветловская В.Е. Религиозные идеи утопического социализма и молодой Ф.М.Достоевский // Христианство и русская литература. – СПб., 1994. – С. 224-269.
- Смирнова Л.Н. Полемика подтекст романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди»: дис... канд. филол. наук. – Кострома, 2004. – 184 с.
- Лебедев Ю.В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в школе. – Кострома, 1968. – 93 с.
- Солженицын А. И. Двести лет вместе: В 2 т. Т. 1. – Москва: Русский путь, 2001. – 512 с.
- Харриет Л. Мурав. Опасный универсализм: перечитывая «Двести лет вместе» Солженицына. (пер. с англ. В. Ульяшева). // НЛО. – 2010. - №3. [Электронный ресурс]. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/opasnyj-universalizm-perechityvaya-dvesti-let-vmeste-solzhenitsyna.html>] (дата обращения: 20.09.2023).
- Апресян Р.Г. Проблема справедливости в перспективе глобализации // Диалог культур в глобализирующемся мире. – Москва: Наука, 2005. – С.122-150.
- Чжан Б. Проявления скрытого сакрального порядка в творчестве Достоевского (К вопросу о двойной реальности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание») // SlavVaria. – 2021. – № 1. – С. 45-52. DOI: 10.15170/SV.1/2021.45.
- Степченко В.Н. Ценностные доминанты в мотивной структуре романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис... канд. филол. наук. – Москва: МГОУ, 2022. – 203 с.
- Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – Москва: ЭКСМО, 2020. – 672 с.
- Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Ленинград: Наука, 1984. – 294 с.

References

- Apresyan, R.G. (2005). Problemy spravedlivosti v perspective globalizatsii [The problem of justice in the perspective of globalization]. Dialogue of Cultures in a Globalising World. Moscow. Nauka. P.122-150. (In Russian).
- Barsotti, D. (1999). Dostoevsky. Xristos-strast' zhizni [Christ the Passion of Life]. Moscow. Paoline. (In Russian).
- Berdiaev, N.A. (1923). Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoyevsky's worldview]. Prague. The YMCA PRESS Ltd. (In Russian).
- Dostoevsky, F.M. (1984). Dnevnik pisatel'ia:1877 sentiabr'-dekabr'.1880 avgust [Writer's diary: 1877 September-December.1880August.]. Polnoie sobranie sochinenii [Complete collection of works]. Vol. 26. Leningrad. Nauka. P. 447-448. (In Russian).
- Dostoevsky, F.M. (1996). Pis'ma. 47. A.E.Vrangeliu. 23 marta 1856. Semipalatinsk. [Letters. 47. To A.E. Wrangel. 23 March 1856. Semipalatinsk]. Sobranie sochinenii v 15 tomakh. [Collected works in 15 volumes]. Vol.15. St Petersburg. Nauka. P. 123-132. (In Russian).
- Dostoevsky, F.M. (2020). Prestupleniie i nakazanie [Crime and Punishment]. Moscow. EXMO. (In Russian).
- Dostoevsky, F.M.(2001). Polnoie sobranie sochinenii [Complete Collected Works]. Vol. 28. Book 1. Cited in: History of Russian Philosophy: Textbook for Universities. Ed. by M.A. Maslin et al. Moscow. Respublika. (In Russian)
- Harriet, L. Murav (2010). Opasnyj universalizm: "Perechityvaya dvesti let vmeste" Solzhenitsyna [Dangerous universalism: re-reading Solzhenitsyn's "Two hundred years together"]. [Electronic resource]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/3/opasnyj-universalizm-perechityvaya-dvesti-let-vmeste-solzhenitsyna.html>. (Date of use: 20.09.2023). (In Russian).
- Lebedev Yu.V. (1968). Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v shkole [F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" at school]. Kostroma. (In Russian).
- Likhachev, D.S., Panchenko, A.M., Ponyrko N.V. (1984). Smekh v Drevnei Rus' [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad. Nauka. (In Russian).
- Merezhkovsky, D.S. (1995). L. Tolstoy i Dostoevsky. Vechnye sputniki [L.Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions]. Moscow. Respublika. (In Russian).

Rozanov, V.V. (1990). O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoi mysli 1881-1921 godov [On Dostoevsky. Dostoevsky's Work in Russian Thought in 1881-1921]. Moscow. Kniga. P. 64-73. (In Russian).

Safronova, E.Yu. (2013). Diskurs prava v tvorchestve Dostoevskogo 1846–1862 g. [The discourse of law in the work of F. M. Dostoevsky 1846-1862]. Barnaul. Izd-vo Altaiskogo universiteta. (In Russian).

Scheller, M. (1999). Resentiment v structure morale [Resentment in the Structure of Morals]. St Petersburg. Nauka. (In Russian).

Smirnova, L.N. (2004). Polemicheskii podtekst romana F.M. Dostoevskogo “Bednyie liudi” [The polemical subtext of F.M. Dostoevsky's novel "The Poor People"]. Moscow. Nauka. (In Russian).

Solzhenitsyn, A.I. (2001). Dvesti let vmeste [Two hundred years together]. In two vols. V.1. Moscow. Russky Put'. (In Russian).

Stepchenkova, V. (2022). Tsennostnye dominanty v motivnoi structure romana F.M. Dostoevskogo “Brat’a Karamazovy” [Value dominants in the motive structure of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. Moscow. Russian literature. (In Russian).

Torop, P. (1997). Dostoevsky – istoriia i ideologiya [Dostoevsky - history and ideology]. Publisher. Tartu Ulikuli Kiriastus. (In Russian).

Vetlovskaya, V.E. Religioznye ideii utopicheskogo sotsializma i molodoi F.M. Dostoevsky. Khristianstvo i russkaia literatura. [Religious ideas of utopian socialism and the young F.M. Dostoevsky]. Christianity and Russian literature. St Petersburg. P. 224-269. (In Russian).

Zhang, B. (2021). Proiavlenie skrytogo sakralnogo poriadka v tvorchestve Dostoevskogo (K voprosu o dvoinoi realnosti v romane F.M. Dostoyevskogo “Prestupleniie i nakazaniie”) [Manifestations of the hidden sacred order in Dostoevsky's work (On the question of double reality in F.M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment”)]. SlavVaria, Iss.1. P. 45-52. DOI: 10.15170/SV.1/2021.45. (In Russian).

Сведения об авторах:

Уразаева Куралай Бибиталывна – доктор филологических наук, доцент Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан, эл.почта: kuralay_uraz@mail.ru);

Моклецова Ирина Васильевна – доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (г. Москва, Россия, эл.почта: irvastok@mail.ru);

Байтурина Улжан Кабиевна (корреспондентный автор) – PhD докторант, Евразийский гуманитарный институт им.А.К. Куаинова (г. Астана, Казахстан, эл.почта: u.baiturina@mail.ru).

Дата поступления статьи после исправления: 15 января 2024 г.

Принято: 21 февраля 2024 г.